

Ярослав Таран

РАСПУТИЦА (1989 – 2000)

РАСПУТИЦА

...по минному полю любви.

Башлачёв

Я хотел бы просто – дышать.
Я хотел бы просто – идти.
Это вечное слово: Прощай.
Это вечное слово: Прости.
Стою на перекрёстке дорог.

Одна – туго свёрнута в круг;
и по ней можно только нестись.
Вторая – в мёртвую петлю;
и по ней можно только ползти.
Ну а третья – прямая тропа:
на колени вставай – и к цели!
Плата не высокая для раба –
за временный рай – кандалы и цепи.

Остальное пространство – минное поле любви.
Мне всё чаще снится слово: Судьба.

1989, 1994

АВГУСТ. ГРОЗА

Стена дождя – от Невы дотуда,
где небо ищет снов
и свободная совесть пророчит нам чудо.
Перед глазами – круги зонтов.

Сверкает на оконных стёклах чешуя,
слетевшая с хвостов русалок.
На уличном лотке (и в моде, и в цене!),
накрытый целлофаном, спит Иешуа,
по имени Булгаков.

Стою один. И будущее мне
поёт о прошлом. И острее ветра
печаль двух сфинксов. Нева ль пред ними?
Нил?.. Какие дикие, безумные седины
у этой грустной, доброй Леты!..
И смотрят сфинксы – в сердце человечье.

И вот уже скользит незримо
судьба по краю времени – там бездна!..
Гибель?.. одиночество?..
Надежда на осечку?..
Мимо, мимо, мимо...

При вспышках солнечного бреда,
играя с небом в творчество,
парит земля, от ласк дождя сырая,
чуткая, любимая, живая.

1989, 1996

Пахнет детство игрушками.
Бедный лес – стружками.
Ночь – грёзами.
Море – солёными звёздами,
слезами и простотой.
Глаза пахнут душой.
Городской перекрёсток – газом
угарным и суетой.
Войны – болью и мясом.
Нашатырь – сердцем.
Быт – смертью.

1989

УСТАЛОСТНОЕ ВЫКРАШИВАНИЕ

Когда глаза ушли под веки,
когда ты к телу подлетел со стороны...
А вокруг – тишина...

Только слово: Любовь
отражается в траурном мире
как слово: Война.

1989

Перелистнул страницу...—
не драться ж снова дураку
с невинной мельницей судьбы!
И впереди —
пустеющая даль
и задохнувшаяся сушь
угаснувшей любви;
и память сердца:
далёкий свет и жалость,
возвышающая душу.

1989

Любовь смешна со стороны, а доброта — глупа:
время надругалось — мы повзрослели.

1989

Днём светлее ум, а ночью — сердце.
Днём ближе к жизни, ночью — к смерти.

1989

Ложатся строки помимо воли сами на бумагу.
И дальше жить возможно лишь по ним.
И жизнь — почти что средство.
Язык — как будто господин.

1990

Может, эта стезя — ложь:
юность — тщеславная блажь?
Может, рано под творчества нож
лечь добру и злу: нужен стаж?

1990

Помнишь, милая моя,
миг один? где ты и я
словно песня: на устах
жизни чистая роса.

Воздух свеж, прозрачен.
Солнце. Сосен мачты.
Вереск. Мальчик. И над ним,
помнишь, радуги был нимб?

Не забыла ли, верна
мигу твоему из сна?

1990, 1999

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

По кладбищу старинному идут
из бело-синей церкви люди...
А маленькая девочка,
рыдает на снегу...

– Да что ты плачешь, девочка?
Да как тебя зовут?

– Вот сломанная вербочка...
Сапожки ножки жмут.
Такие они тесные,
так больно ножки жмут...

И улыбнулась девочка:
– Меня Любовь зовут.

1990

Суровая проза жизни
вызывает терпкие песни смерти.
Терпкие песни смерти
вызывают судорожную дрожь в жилах.
Судорожная дрожь в жилах
вызывает болезни сердца.
Болезни сердца
вызывают любовь и слёзы.

Так оставим суровую прозу!–
и как звёзды и грёзы,
и как ветер и дети,
мы с тобою на этом свете
станем в рифму
целоваться и петь.

1990

Вечер.
На глади прозрачной воды – моя тень.

Солнце!
оставь же меня у реки –
дай мне ещё один день.
Я отдохну и вернусь:
и новые песни, как прежде, тебе
принесу –
и останусь навеки с тобою.

Минуты прозрения так коротки.
И воздухом в умной, проточной воде –
в крови прижилась, растворилась грусть.
И линия жизни – этот след на ладони
от пожатия страха прохладной руки –
голосом неподкупным, как поступь судьбы,
жестоким и ржавым, как буква закона,
твердит без намёка на споры сквозь поры мои,
без перерыва, без отдыха, тупо и монотонно:
"За тобой – только право на последнее слово.
И обжалованью не подлежит
ни мера, ни час приговора".

Я ищу адвоката, я кричу о покое!..
А на глади притихшей воды чуть дрожит
моя огромная синяя тень.
И ночь уж нахмурила брови –
две мохнатые чёрные тучи
над алой полоской заката.
"Ты потерял ещё один день,
ты упустил ещё один случай", –
сказало мне Солнце голосом брата
и опустило веки.

И наступила ночь.

1990

Стихает боль – и мир стихает.
И грим на лицах вновь – не жжёт.
Ложь – наш испытанный пароль:
бесплатный вход
в ворота временного рая...

Как мёд из сот губами,
душою выбираю я из сора –
из сора древнего, вторичного, сего –
всё то же серебро восторга;
но теперь – восторга моего!

"Бессмыслица" любви пока жива –
и мы смываем грим с лица...
Как это странно – мы совсем иные,
как это сладко – мы – живые!

Я смех принёс тебе в ладонях.
Проводим смерть в обратный путь!
На плечи – лёгкий гроб.
Прими, земля: мы смерть хороним.

Коней – в галоп!
И небо – в грудь!
И сердце – в сердце,
губы – в губы...

1990

Чтобы близким не сделать больно,
окровавил уздой коня
я в глухой тишине ночной.

И над тайной озимых стихов
с красным ртом любовь
перешла на шаг...

Не поймёт мой конь,
почему я так
оскорбил его!

Отомстит он мне...

1990

Затвердевшей моей вины
тишина – комом в горле.
Каждый выдох с болью.
И плохие – немые сны.

Вижу себя в изголовье
и почему-то со стороны.
Я стою – и не сдвинуться с места.
Никого! Только бьётся в бреду старик...
Это друга последствия смерти?
Или новой болезни крик?

Как трава – асфальт,
сердце – тихий стих
разрывает так.

1990

Душа, как мотылёк,
в любовь с огнём играет.

То чуть мелькнёт, то полыхает
над ночью голос многоок.

Зажёгся новый огонёк!..
А мир был чей-то бред.

Так умер человек.
Воскрес – Поэт.

1996

Любовь моя! мы на пороге
жизни Новой.
И я тех лет подвёл итоги,
где Слово
привело меня к тебе...
И вот теперь –
в крови страстей, войне сует –
чутьём звериным я ловлю
не смерти рёв, не славы звон,
нет: я люблю! и слышу зов
иных высот, иных времён.

Мир – на пороге Вечности.
Застыл, отёк, но ждёт
ещё каких-то новостей!
Не прыгнуть выше головы
рабам ума. Ну что ж. Живёт
последним днём – любя –
лишь избранный. Отныне
каждый шаг наш – выбор:
жизнь или
Бессмертие.

1991, 1999

Зачем обидел я тебя?
Случайностей полно на этом свете –
и может день любой последним быть.

Как я посмел забыть о смерти –
как я посмел вчера не жить?
Зачем обидел я тебя...

1991

Между мною и небом – стекло.
Между словом и делом – стекло.
По-другому и быть не могло...
И солгут, присоветуют близкие.
Охладят, заметут дальние.
Телефонный диск щёлкнет искрою –
и взорвётся сердце,
этот искренний погреб с воспоминаньями...–
стих запишется... сон рассеется...
мы не свидимся: мир спокойнее,
терпеливее и прочней.
Не хватает лишь лёгкой гармонии.
Доживём без таких мелочей.

1991

КРИЗИС БАНАЛЬНОСТИ

Банален ты, как мир, который в капле отразился.
Банальна жизнь твоя: вот пенится, журчит!.. и умолкает;
и дальше смертью уж течёт – невидимо, веками.
Так – здесь – течёт стекло.

И сквозь него привычный свет струится –
и преломляется в прекрасный Лик тем зреньем,
что точит плоть и оживляет камень,
в них с корнем выжигая зло.
Так тлеет тело, лечит время.

Художник-память
вновь преломляет прошлое в мечту.
Так руки Господа наш труд
однажды преломили в хлебы.

Но кто заметит, что ты с миром поделился небом?
кто шифр рифмованный прочтёт?
кто вены вскрыет тайне?
перешагнуть банальность кто рискнёт?..
Кому ты нужен здесь, свидетель с потрохами!

И жизнь – вода. И смерть – как лёд.
Любовь – весна. И скоро ледоход.
Глядь, предъявляют черти грешный счёт.
А чем платить тебе... стихами?

Брось их: стишки нужны больным.
Себя здоровым видит чёрт –
он этой платы не возьмёт.

Любимый не судим.

1991, 1996

Тщеславия угар тяжёлый и тягучий:
слепая и тупая з-лобность:
бездарность – мой кошмар!

Суди ж раба, мой дар!–
жги плетью песен лучших
меня, мой тайный голос:
судите, строки вещие, своих
надуманных соседей черновых

и режьте по живому – вы правы –
за слабость дней,
тех, долгих, где не так, как пел,
я жил...– и к этому привык –
и лгать и предавать умел,
и, растеряв друзей,
погрязший по уши в обидах,
бежал на поводке у мира...

Не подавая вида,
пройдёте мимо...
Вот ваш суд.

1991

Можно ли привыкнуть к одиночеству?
Трудно.
Особенно – среди любимых.

Не дай мне бог сойти с ума:
утратить чувство юмора,
эту лёгкую мудрость одиночества.

1991

Идёт предвечная война...
О небо синее! Весна!
Святыя ваши имена
просты, как боль сердечная.
С очей моих спадает пелена –
я возвращаюсь снова к вам,
свободы цельные слова, –
оставив чуждые скрижали,
где суть моя распалась на детали.
Я столько вязких дней
в скорлупке, наспех сшитой из идей,
болтался в море мёртвых строк.
Их суета сквозь швы сочилась,
переливалась через низкие борта.
Её ладонями старательно черпал
я: уповал на справедливость!
И надорвался. Голову накрыл руками
и на дно посуды упал.
Скорлупка вскоре накренилась,
вздохнула облегчённо и утопла.

А я в беспамятстве ветрами
был выброшен на камни
в законе избранной стране.
Там люди страшные живут:
меня там сосчитали!
И дым и свет там без огня,
поэзия без тайны.
Там правит бал уют.
Там дружбы нет.
Там бог зеркальный.

1991, 1999

КОНЕЦ ВЕКА

Громада двинулась и рассекает волны.
Плывёт. Куда ж нам плыть?..

Осень. Пушкин

Старинная вода,
отрубленной рукою –
у времени стихов Серебряного Века,
у времени мечты о Веке Золотом –
с невинной детской кровью
ты смешана была
по воле человека,
рождённого тобою под алою звездой,
которая, взойдя
(откуда ждали), разум
младенца просветила,
молвив: "Ты – судья.
Ложь – прежнее светило.
Кадило – только дым, смола.
Поэзия – беспомощный туман
и праздный блуд.
А бог есть страх и тьма".
Благословляя войны,
церковь подтвердила
грубой звезды слова.
И, горячо поверив в своё имя,
сыновья
над Матерью больной
вершили суд...
И ты круги своя –
от брошенных камней, крестов и тел –
через года, под гладью льда
нам в память донесла,
старинная вода,
замешанная густо на крови.

Весной
на тех кругах качаешь корабли
беспамятных племён,
солёная.
К Большой Воде несёшь ты их,
чтоб кинуть спящими на мель
или разбить о риф?
В руках неверных сыновей
скрипят о ржавые уключины
вёсла,
пытаясь совладать с бурлящею пучиной.
Но злое эхо от проклятий замученных людей
их настигает!—
и гребцы,
уж спятив,
ломают вёсла, руки, спины...
Расплаты ужас души рвёт —
движенья судорожны,
невпопад:
один — вперёд,
другой — назад,
и каждый третий под себя гребёт...

1991

ДРЁМА

Звук сломан, ложен свет:
разрушенного слова
каждого не перечить значений.
Чем дальше видел я свой путь
сквозь дрёму встречных лет,
тем непонятней было мне:
где сон — где явь.

Во сне нет страха высоты —
а значит есть полёт.
Но пробужденье настаёт —
и сразу буквы лгут,
спускаешься на землю то бишь,
и ходишь, ходишь...
И спать захочешь вдруг.

В коротких промежутках —
жалость... Такая жалость,
с которой не живут.

1991

ТРЕВОГА

В ладонях сердца – радужное солнце.
Не споткнуться бы – и не разбить его...
Роятся, застыт свет
предчувствия... Не отмахнуться!

Не уронить бы, Господи,
подарок этот хрупкий,
столь неповторимый...

Светом ярким ослеплённый –
успею ли прозреть:
увидеть и запомнить...
Не успеть – так прикоснуться хоть!..

Тревога, плоть
расплавится от звука
резкого, высокого стихии,
стихии, где роятся,
застыт Солнца Лик
предчувствия...

Но песнями я отгоняю их!
И... отдышавшись,
засыпаю на твоей груди,
Тревога.

1991

АВГУСТ

Ты снова взмахнул за окном
багровыми крыльями боли...
И в дом заглянул
под утро,
прервав моей памяти сонную нить...

Летишь предо мною, мой август, мой ветер,
оставляя отметины одну за одной
на судьбе
и играя с судьбой,
как дети – в войну понарошку:
с глупым призраком мира
зовёшь меня в бой,
гадая на датах...
Присев на дорожку
на чемоданах у двери
настежь раскрытой души,
смеёшься лукаво...

Я с ним расстаюсь.
Лишь следы от объятий...

1991

Солгать не в силах:
свет солнца, звёзд и глаз ребёнка,
улыбка бессловесная собаки,
музыка небес и песня сердца,
щемящая тоска колоколов,
шум леса и весенняя капель.

Но лгут и критик и поэт,
что ищут жизни смысл:
один – в чужих,
другой – в своих трудах.
Их разум лжёт, желая власти;
и – страх.

Но смерти нет –
и истина не ищущим даётся.

1992

ПЕТЕРБУРГ

Болото. Царь. Судьба.
Из слова град возник
здесь – на костях раба.
У смерти – сфинкса лик.

Стихия и гранит:
стихи растут... И дни
текут за днями... Но
спаси и сохрани –
здесь жизнь объединить
с поэзией в одно!

12 дек. 1997

Восторг высот – без низкого труда –
не помнит глубины. До дна
души не исследив, лжи не узнать
под маскою бесспорного добра.
Без мук ночных нет правды дня.
Ужасней тьмы крошечной свет
вторичный – без огня,
как похоть жизни тех, кто у Креста
делил Распятого одежды. Грех –
только пустота. Но нет злей ямы,
чем "божий страх" разнузданной морали:
бог – властный судия – есть дьявол.

Бог – дуновение надежды
для падших, крест опыта –
для верных.
В Его влюблённых шёпотах
рожденье всех вселенных.
Как волны на песке – века
истории, как мифы – берега.
Искусство – бег от молота
времен. Но смерть бежит лишь веры.
Пережитое зло – лишь первый
шаг в пути ученика...

1997

СУИЦИД

Что стоишь усталый,
что в пути поник ты
головой свободной,
человек разумный?

Отшумели бури,
и лесные тайны
мёртвыми упали
вкруг царя природы.

Посреди пустыни
встали небоскрёбы:
в мире удовольствий –
победивший разум!..
Трон комфорта прочен.

Молча в жилах льётся
лунный смех, лоснится
скука, ищет грязи,
тянет, плоти чистой
алчет униженья...

Стыдно, страшно, сладко...
Вдруг – свободы путы
с тонким визгом рвутся!..

Утром кафель вымыт.
Здравы дни, как цифры.
Вечера – с семьёю.
В воскресенье – церковь...

Табурет откинут.
Беспричинной злобой
затянула горло
стерильная петля.

22 янв.1999

ДВЕ ТАЙНЫ

О женщина, ты жизнь!
Мужчина же – поэт.
Меж вами – пропасть: след
паденья Духа Лжи.
Лишь тонкой нитью – память;
и бережно дрожит
в душе двух свечек свет,
двух тайн – сольётся пламя –
и смерти убежит
свободный человек.

7-8 февр. 1999

СЧАСТЬЕ

Ночью подкралось к нам счастье, когда
стало так пусто, так страшно...

Время всходило над нами. Беда
грузно цеплялась за прошлое наше;
вечно болела, шипела сквозь кашель...
Время вошло – и беда умерла.

Помню, ты стрелки часов подвела
и улыбнулась... На скомканном платье
кольцами вилось законное счастье:

"Душу, вкусившую здесь полноту,
искренность снов и объятий,
нежность зеркальную и наготу
тел очарованных, кто мне оплатит?!"

Платим тебе мы, судья, ростовщик –
щедрое, мягкое счастье:
ты не один подарило нам миг,
прожитый миг... – Так платите! – И платим.

Ложью, враждою, разлукой – кто чем:
выбор богат. Но и долг необъятен.

Жадное счастье – приказчик ночей,
тот что над памятью только не властен;
эта тоска – этот долг – до конца,
до онемения белого страсти...

Вещая память родного лица –
в неупиваемой чаше небесной...
Счастье мельчает... Две чайки над бездной.